

УДК 81'25:81'38

ОБРАЗНАЯ РЕЧЬ В АСПЕКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Ю.М. Трофимова

*Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева, Саранск*

В статье рассматривается уровень сохранности текстовой образности оригинала в двух переводных текстах. Делается вывод о зависимости воспроизводимой в тексте образности от принадлежности переводчика к соответствующей лингвокультуре, проявляющей себя в характерных особенностях ведения речи. Дается типологическая характеристика воспроизведенной текстовой образности на базе двух проанализированных версий художественного перевода.

Ключевые слова: речь, образная речь, текст, художественный перевод, лингвокультура.

Tropology in Terms of Fiction Translation

Yulia M. Trofimova

Mordovian State University, Saransk

The article is aimed at revealing the level of reproducing the tropology in two texts of fiction translation. The conclusion is made concerning the dependence of the reproduced tropology on the linguoculture to which the translator refers. It is also stated that the corresponding linguoculture manifests itself through peculiar modes of producing speech and they influence the level of tropology in texts of fiction translation. A brief review of typological characteristics of reproduced tropology is given.

Key words: speech, tropology, text, fiction translation, linguoculture.

Проблема образной речи традиционно рассматривается в лингвистике и в литературоведении. Однако этим не исчерпывается диапазон дисциплин, которые могут раскрыть какие-либо новые свойства текстовой образности. Достаточно примечательные факты можно обнаружить исходя из теории перевода, а конкретно перевода художественных текстов. Помимо прочего, художественный перевод в состоянии раскрыть также и особенности в передаче образности, характерные для той или иной лингвокультуры. При этом отчетливо обнаруживаются и некоторые национальные черты ведения речи, поскольку образность рождается в речи.

Образная речь определяется как речь, изобилующая разнообразными языковыми приёмами, оживляющими восприятие излагаемого материала. Она апеллирует к эмоциям реципиента через эмоции автора, для выражения которых тот использует переносные значения слов, а также различные тропеические средства, символы, афоризмы, пословицы и тому подобные языковые возможности. С их помощью в тексте достигается

красочность изображения, создаются вполне наглядные картины, вызывая у реципиента конкретно-чувственные представления о действительности.

Существенно принять к сведению, что словесные картины являются невещественными, – через них автор лишь обращается к воображению читателя. Будучи невещественными и лишенными наглядности, словесно-художественные образы вместе с тем живописуют вымышленную реальность и апеллируют к зрению читателя [1. С. 20-21]. Однако самым примечательным моментом является то, что образность художественной речи заключается не в самом по себе использовании речевых явлений (экспрессивность, индивидуализированность, тропы и т.п.), но в характере, в принципе их использования. За любым словесным образом стоит личность, которая его создала [1. С. 23].

Продолжим высказанную мысль, обратившись к конкретному материалу и сделав акцент не только на личности, создавшей образ, но и на её лингвокультурной принадлежности, что выявляется только при сопоставительном анализе художественных переводов. Примем также во внимание другую цитату. Как было заявлено, образное мышление составляет основу человеческого мироощущения, в котором образно-фантастически отражается действительность. Другими словами, каждый из нас привносит в представляемую им картину мира некоторую долю своего воображения [3].

Последний момент и оказывается главным при передаче образности в художественном переводе. Переводчик перестраивает образность под влиянием своего воображения, а такая перестройка не свободна от лингвокультурной принадлежности переводчика и национальной манеры ведения речи.

О национальной манере ведения речи следует сказать особо. В работах, посвященных невербальному общению, всегда отмечается межкультурное различие в тех или иных проявлениях так называемого языка телодвижений, когда представители разных культур по-разному коммуницируют с их помощью. Сюда относят жесты, позы, мимику и прочие явления такого рода, иногда даже более успешно, чем язык, содействующие общению и пониманию. При этом главное внимание обращается на национальное своеобразие такого языка телодвижений, и было, в частности, отмечено, что некоторые жесты, выражающие такие понятия, как *деньги*, *большой*, *иди сюда*, сильно варьируются в странах Средиземноморья и в Швеции [5].

То же самое касается и эмоций. В тех же средиземноморских странах принято бурно выражать радость, гнев, горе, в то время как другим странам (Швеция, Япония) публичное проявление чувств не свойственно, и здесь во всем приветствуется сдержанность [5].

Никто не будет оспаривать такого рода факты, поскольку они неоднократно всеми замечались, а некоторые приобрели уже статус

аксиом. Дело здесь в другом, а именно в том, насколько широко распространены национальные особенности выражения информации в целом, и прежде всего в вербалике, а проще говоря, в речевой практике. Без всяких возражений признается, что существует национальный фольклор, танцы, музыка, юмор и т. д., но насколько допустимо вести речь о том, как, в каких формах и при каких обстоятельствах речевая практика может отражать те же самые национальные особенности в передаче информации, сказать на данный момент затруднительно. Несомненно, однако, что в разных лингвокультурах также могут обнаруживаться подобные различия. В данном случае, однако, трудно процитировать какие-либо исследования, так как речевые нюансы, зависящие от национальной специфики ведения речи и варьирующиеся от культуры к культуре, отмечаются крайне редко и, как правило, вне лингвистики. Между тем, сферой их проявления часто оказывается художественный перевод, где идиостиль переводчика совершенно неосознанно для него самого отражает принятые в его стране нормы вербализации описываемых в оригинале явлений.

Обратимся к фактам и рассмотрим некоторые способы ревербализации в шведском и немецком переводах английского текста, написанного американкой. Базой для такого анализа послужит роман Лавейл Спенсер (*La Vyrle Spencer*) “That Camden Summer” [7], переведенный на шведский язык Гуннелой Стрёмберг (*Gunnel Strömberg*) и озаглавленный “Sommaren vid havet” – «Лето у моря» [8], а также переведенный на немецкий язык Михаэлой Линк (*Michaela Link*), озаглавленный «Лето в Майне» (“Ein Sommer in Maine”) [9]. Заголовок переведен по-разному, что, в сущности, является самой обычной практикой при переводе художественных текстов. Однако оставим этот вопрос в стороне, пояснив только, что Камден – город, а Майне – регион, область, где этот город расположен. Поэтому переводчица-немка лишь незначительно изменила адрес заголовка.

Уже в самом начале романа можно зафиксировать специфические черты шведской и немецкой манеры ведения речи, проступающие сквозь художественную ревербализацию текстовой ткани оригинала:

английский текст: *Roberta Jewett had hoped for fair weather the day she moved her children back to Camden, Maine. Instead, a brew of needly rain and thready fog had followed the Boston boat all the way up the coastline. The water, tumbled to a smart chop by a persistent southwest wind, made for a hellish voyage. Poor Lydia had been sick all night* [7];

немецкий перевод: *Roberta Jewett hatte sich für den Tag, an dem sie mit ihren Kindern nach Camden in Maine zurückkehrte, schönes Wetter erhofft. Stattdessen war das Schiff von Boston aus den gesamten Weg an der Küste entlang durch eine Waschküche aus Nieselregen und Nebelschwaden gefahren. Die von einem beständigen Südwestwind aufgebauten kurzen, steilen Wellen*

machten die Überfahrt zur Hölle. Der armen Lydia war die ganze Nacht über schlecht gewesen [9];

шведский перевод: *Roberta Jewett hade hoppats på vackert väder den dagen då hon och hennes döttrar flyttade tillbaka till Camden i Maine, men i stället hade en blandning av nålvasst regn och tunn dimma slagit följe med Bostonbåten hela vägen längs kusten. En ihärdig sydvästvind fick vågorna att gå höga och resan blev en förfärlig upplevelse. Stackars Lydia hade varit sjösjuk hela natten* [8].

В приведенных фрагментах следует отметить фразы, переведенные с разной степенью образности. В шведском переводе в первом абзаце предельно снижена экспрессивность первоисточника: *a brew of needly rain and thready fog* «варево колючего дождя и волокнистого тумана» передано как *en blandning av nålvasst regn och tunn dimma* «смесь колючего дождя и тонкого тумана», где вместо образного *brew* находим самую нейтральную лексему *blandning* «смесь». Немецкий текст имеет эквивалент *eine Waschküche aus Nieselregen und Nebelschwaden*, где лексема *Waschküche* уже сама по себе образна. Ее ОНЗ – «прачечная (домовая)», а второе разговорное значение – «густой туман; туманная погода». Совмещение двух значений легко объясняется, если учесть, что в прачечной всегда много пара, напоминающего туман. Приняв к сведению соответствующую образность *Waschküche*, можно заключить, что определенная образность сохранена и во фразе: «Туманная погода (как пар в прачечной) из морозящего дождя и ключев тумана превратили переезд в ад».

Следует отметить, что на передачу образности здесь повлияли и возможности лексико-семантической системы немецкого языка. Если в шведском и в английском языках есть сходные лексемы *nålvass* и *needly* «острый, как иголка» (последняя лексема фиксируется далеко не во всех словарях), то немецкой переводчице пришлось ограничиться «морозящим дождем»: *Nieselregen* «морозящий дождь; изморось».

Следующая фраза, изобилующая в оригинале образностью *the water, tumbled to a smart chop by a persistent southwest wind* «вода, вздыбленная до сильной зыби упорным юго-восточным ветром», передана в шведском тексте настолько вольно и вместе с тем настолько сдержанно, что может служить лишь слабым намеком на оригинал: *en ihärdig sydvästvind fick vågorna att gå höga* «упорный юго-западный ветер заставлял волны подниматься».

Немецкий вариант также образно невыразителен: *Die von einem beständigen Südwestwind aufgebauten kurzen, steilen Wellen* «короткие, крутые волны, созданные (возведенные) устойчивым юго-западным ветром». Но если учесть использование глагола *aufbauen*, имеющего ОНЗ «строить», конкретизируемое в словарях другими синонимичными значениями: «возвести», «сооружать», «выстраивать», «создавать», «собирать», то известную долю образности можно найти и здесь,

поскольку приложение этого глагола к лексеме со значением «волна» коллокацией не является и выходит за рамки нейтральной речи.

Однако самым любопытным местом оказывается выражение *hellish voyage* «адское путешествие», для которого подобран во всех отношениях примечательный шведский эквивалент *resan blev en förfärlig upplevelse* «поездка стала ужасным переживанием (событием)». Немецкий же текст практически следует за английским оригиналом: *machten die Überfahrt zur Hölle* «превратили переезд в ад».

Шведское существительное *upplevelse* обладает весьма своеобразной семантикой, достаточно отдаленно передаваемой с помощью лексики других языков. В частности, в разных шведско-русских словарях она выражается словами *опыт, событие, случай, впечатление, приключение, переживание*. Существительное *upplevelse* производно при помощи суффикса *-else* от глагола *uppleva*, этимология которого указывает на глагол *leva* «жить» и тем самым дает основания считать исходным значение «переживание», где также прослеживается деривационная связь с глаголом «жить». С другой стороны, лексема *upplevelse* является чрезвычайно употребительной, а особенно в сочетании с прилагательным *förfärlig* «ужасный, страшный». Даже небольшой экскурс в разные текстовые употребления этого словосочетания, представленные в сети Интернет, фиксирует его исключительную востребованность в шведской речи. При помощи этого словосочетания даже озаглавливаются рецензии, газетные сообщения, оно частотно и в пространстве самых разных текстов. В качестве примера отметим отзыв об одном отеле, озаглавленный “*En förfärlig upplevelse*” – «Ужасное впечатление» [4].

Как представляется, привычность словосочетания также содействует нейтральности шведского перевода, противопоставленной яркой образности оригинала, привносимой английским словосочетанием *hellish voyage*. Лексема *Hölle* «ад, преисподняя» немецкого перевода достаточно успешно передает сему адского путешествия.

Сопоставительное рассмотрение такого рода переводческих решений с некоторого его этапа настраивает на типологические обобщения. Самым общим местом оказывается снижение образности в переводе, и дело здесь не только в идиостиле переводчика или возможностях лексико-семантической системы переводящих языков, но и в том, что выше уже обозначалось как национальная манера ведения речи. Как было отмечено в одной работе, речь американцев характерна тем, что они используют наглядные метафоры, чтобы разнообразить речь и более эффективно доносить идеи до собеседников [6]. Именно поэтому обилие образных приёмов не находит отклика в словесных построениях переводчиц, поскольку они работают в более сдержанной манере.

Следующий пример свидетельствует о достаточно распространенном типе нейтрализации образности в переводе, а именно о неадекватной

замене лексемы, которая в оригинале использована в переносном значении. Английский текст содержит лексему *smudge* пачкать(ся), мазать(ся) (*Beyond it, the village at the head of the harbor was smudged by the downpour but visible*), рисующую картину появившейся вдали деревни, словно «замазанной» ливнем из-за тусклой видимости. В немецком и шведском переводах образность полностью снята: швед. – *Bortom den blev samhället invid hamnen synligt i hållregnet* «по ту сторону поселение рядом с гаванью стало видимым в проливном дожде» (*hållregn* проливной дождь, ливень); нем. – *Dahinter, vor dem Kopf des Hafens, war das Dorf im strömenden Regen gerade noch erkennbar* «деревня перед гаванью в проливном дожде была ещё различима».

Следующий фрагмент также свидетельствует о снятии образности в переводах, но демонстрирует при этом совершенно другой её тип. Шведский перевод даже опережает немецкий, так как в нем просто изъят кусок самой красочной образности оригинала, касающийся сравнения горы с китом:

английский текст: *The featureless huddle on the shore took on identity: Mount Battie which rose behind Camden like a great, black, breaching whale; the wharf where the Belfast would land; the skeins of streets climbing the eastern skirt of the mountain; the spires of familiar churches – Episcopal, Baptist and the Congregational where she had gone until she moved away* [7];

шведский текст: *Den formlösa bilden av land tog gestalt: Mount Battie som höjde sig bakom Camden, båtbryggan där Belfast skulle lägga till, virrvarret av gator som klättrade uppför bergets östra sida, de välkända kyrktornen på episkopal- och baptistkyrkorna, och församlingskyrkan som hon själv hade tillhört innan hon flyttade* [8];

немецкий текст: *Die einförmige Masse am Ufer nahm Gestalt an: der Mount Battie, der sich wie ein großer, schwarzer, aus dem Wasser hervorbrechender Wal hinter Camden erhob; der Kai, an dem die Belfast anlanden würde; das Gewirr der Straßen, das sich den Osthang des Berges hinaufzog; die Türme der vertrauten Kirchen, die Kirche der Episkopalen, die der Baptisten und schließlich die der Kongregationalisten, die sie besucht hatte* [9].

Фраза оригинала “*Mount Battie which rose behind Camden like a great, black, breaching whale*” в шведской версии ограничивается только первой частью: *Mount Battie, som höjde sig bakom Camden* «гора Батти, которая возвышалась позади Камдена». Немецкий текст не только сохраняет сравнение, но и переводит его детально, как бы расшифровывая английский глагол, который в приложении к киту имеет особое значение: *breach (of a whale): rise and break through the surface of the water* «подниматься и вырываться над поверхность воды». Соответственно, в немецкой версии мы находим *schwarzer, aus dem Wasser hervorbrechender Wal* «черный, из воды вырывающийся кит».

В приведенном фрагменте можно прокомментировать и другие случаи передачи образности в переводе. Они также в состоянии свидетельствовать о типических характеристиках образности и её нюансировке при переводе. Фразы *The featureless huddle* (англ.) «невывразительная, безликая куча, груда», *Den formlösa bilden* (швед.) «бесформенная картина», *Die einförmige Masse* (нем.) «однообразная, монотонная масса» фактически эквивалентны с точки зрения смысла и могли бы считаться межъязыковыми эквивалентами в его передаче, но в контексте они начинают несколько различаться с присоединением глаголов: шведское *ta gestalt* и немецкое *Gestalt annehmen* полностью идентичны по форме и значению «вырисовываться, принимать, обретать форму», чего нельзя сказать об английском *take identity*, более отвлеченного по семантике и явно предполагающего определенную степень одушевленности объекта.

Такая же слабая степень образности прослеживается и в других частях процитированного фрагмента. Английская фраза *the skeins of streets* более образна, нежели переводные эквиваленты, если учесть, что ОНЗ *skain* – «моток, клубок (пряжи)», и что только переносное значение определяется как «неразбериха, путаница». Переводные эквиваленты соответствуют английскому переносному значению: швед. *virrvarret av gator* «неразбериха, путаница улиц», *das Gewirr der Straßen* «лабиринт (улиц)» (хотя у немецкого существительного также фиксируется значение «спутанная пряжа»). Образность «клубок улиц», в большей мере присущая оригиналу, усиливается по мере распространения словосочетания: англ. *climbing the eastern skirt of the mountain* «поднимаясь по восточному краю горы»; швед. *virrvarret av gator som klättrade uppför bergets östra sida* «лабиринт улиц, который карабкался по восточной стороне горы», нем. *das sich den Osthang des Berges hinaufzog* «лабиринт улиц, который тянулся, простирался вверх». Однако английская часть “*the eastern skirt of the mountain*” (учитывая семантику существительного *skirt* «юбка, подол, край, окраина») более образна, нежели переводные варианты.

Немецкий вариант перевода вышеупомянутого сравнения горы с китом находит типическое продолжение в следующем фрагменте. Английское предложение *The lights of the little seaside village poked through the blur* «огни маленькой прибрежной деревни пробивались сквозь неясное пятно» с трудно переводимым глаголом *poke* «тыкать, совать» в шведском тексте передано в нейтральной манере: *Ljusen från den lilla kuststaden glimtade fram genom diset* «Огни от маленького прибрежного города мерцали сквозь туман». Немецкий текст иллюстрирует подробную расшифровку английского глагола *poke* «тыкать, совать» (как в случае с китом) во имя сохранения образности: *Die Lichter der Hafenstadt durchdrangen wie Nadelstiche die Regenschleier* «огни портового города пронзали как булабочные проколы дождевую завесу». Образность не

только сохранена, но и детализирована. Немецкое стремление к точности, несомненно, проявило себя и в речи.

Шведский перевод, столь нейтральный в воспроизведении образности оригинала во всех вышеприведенных примерах, неожиданным образом вводит её там, где в оригинале она полностью отсутствует: англ. *Everything but you. You're just a little naysayer.* – «Всё кроме тебя. Ты просто маленький скептик», нем. *Alles außer dir. Du bist bloß ein kleiner Miesepeter* – «Ты просто маленькая брюзга». Шведский же текст наращивает образность за счет использования поговорки: *Allting utom du. Du är bara en liten kärring mot strömmen.* Переводчица использовала популярную в Швеции поговорку: *vara som käringen mot strömmen* «делать всё наперекор» (дословно: «как старая карга поперек течения»). Эта поговорка в той же мере в ходу у шведов, как и упомянутое выше существительное *upplevelse*. Обращение к привычному обороту речи выдает национальные особенности речи шведов и в силу этого сглаживает образность текста.

Проблема, изложенная выше, вне всякого сомнения относится к лингвокультурным аспектам перевода, которые в настоящее время активно разрабатываются в переводоведении. Интересным в этой связи представляется вывод И.В. Войнич, отметившей, что лингвокультурная адаптация как неизбежное явление при переводе может быть ориентирована как на исходную лингвокультуру, так и на принимающую [2. С. 7]. Рассмотренные в статье явления имеют явную ориентацию на принимающую лингвокультуру. Однако вопрос здесь заключается в том, насколько такая ориентация осознаваема переводчиком. Чем меньше степень осознания, тем очевиднее начинают проявляться национальные особенности ведения речи.

В заключение ещё раз подчеркнем, что в данной статье речь шла не о переводческой технике или каких-либо способах передачи духа подлинника и прочих моментах такого рода, а лишь о том, как поиск наиболее оптимальных переводческих решений отражается на исходной образности подлинника. Возможно, этот аспект перевода остается в тени, уступая первенство технической стороне перевода. Одной из важных сторон перевода образности является и провозглашенное в статье понятие национальной манеры ведения речи, проявившее себя в том, что сдержанность в проявлении невербалики, свойственная некоторым этносам, не может не отразиться и на вербальных построениях, следствием чего оказывается снижение исходной образности оригинала через придание ему нейтральной окраски.

Библиографический список

1. Борисова Е.Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник

Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173).
Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 20-26.

2. *Войнич И.В.* Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 234 с.

3. *Краткий курс лекций по дисциплине «Введение в литературоведение. Основы теории литературы» Художественный образ. Введение в литературоведение* // Электронный ресурс Интернет: studme.org/55055/literatura/hudozhestvennyu_obraz (дата обращения: 15.03.2017).

4. *En förfärlig upplevelse. Recensioner av Ramada Santo Domingo* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.booking.com/reviews/do/hotel/santo-domingo-princess-y-casino/review/a28e5fa049771bc6.sv.html> (дата обращения: 15.03.2017).

5. *Intercultural Communication – (SSKKII) Interdisciplinary Center* // Электронный ресурс Интернет: sskkii.gu.se/jens/publications/docs001-050/041E.pdf. (дата обращения: 15.03.2017).

6. *Share America* // Электронный ресурс Интернет: share.america.gov. (дата обращения: 20.03.2015).

7. *Spencer La Vyrle. That Camden Summer* // Электронный ресурс Интернет: general-ebooks.com/book...that-camden-summer (дата обращения: 01.03.2017).

8. *Spencer La Vyrle. Sommaren vid havet. Översättning av Gunnel Strömberg.* Tryckt i Danmark hos Nórhaven. 1998. 255 с.

9. *Spencer La Vyrle. Ein Sommer in Maine* // Электронный ресурс Интернет: <https://www.weltbild.ch/.../9783955692629-111119948-ein-sommer-in-main.pdf> (дата обращения: 10.03.2017).